

Виктор Астафьев

Бери да помни

Часть сборника
О любви (сборник)

Виктор Петрович Астафьев

Бери да помни

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135227

О любви: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-46649-8

Аннотация

«Арсений Каурин познакомился с Фисой летом сорок пятого года, после того как прибыл с нестроевыми на смену девушкам в военно-почтовый пункт.

Фиса работала здесь сортировщицей писем и одновременно ведала библиотекой. Арсения, как наиболее грамотного человека, «бросили» на библиотеку».

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Виктор Астафьев

Бери да помни

Арсений Каурин познакомился с Фисой летом сорок пятого года, после того как прибыл с нестроевыми на смену девушкам в военно-почтовый пункт.

Фиса работала здесь сортировщицей писем и одновременно ведала библиотекой. Арсения, как наиболее грамотного человека, «бросили» на библиотеку.

Книжки пересчитывали после работы. Засиживались допоздна. Вообще-то книг было не так уж много, их можно было пересчитать быстро. Но как-то так получалось, что дело это растянулось на несколько вечеров. Если какой-либо книжки не доставало, Фиса со вздохом говорила, как будто точку ставила:

– Девочки зачитали. – Потом спохватывалась, испуганно тарасила на Арсения большущие, младенчески голубые глаза: – Ой, что мне будет, Арся?

Характер у Фисы был безоблачный, до наивности детский. Сердиться она не умела, настаивать и перечить не могла, и потому почти половину книг у нее растащили.

Когда весь «фонд» был пересчитан и Арсений хмуро ду-

мал, как ему быть: докладывать ли начальству о нехватке книг или как-то выкручиваться, Фиса заявила как о само собою разумеющемся:

— Теперь меня посадят в тюрьму... — И, подождав какого-нибудь ответа от Арсения, сама себя утешала: — Ну, ничего. Там тоже люди сидят. У меня дядя сидел. Живой вернулся. Да за книги много и не дадут. Кабы я деньги или хлеб растратила... — И, совсем уж успокоившись, попросила: — Арся, ты бы проводил меня домой. Я одна боюсь идти — темно.

Арсений надел пилотку, и они отправились на окраину местечка по безлюдным, заросшим колючим можжевельником улочкам, которые то спускались вниз, вроде бы к ручью, то поднимались вверх, вроде бы от ручья. Но никаких ручьев нигде не было. Лишь тоскливо маячили бадьи на колодезных журавлях, падали капли и звонко булькали в срубах да чернела вытоптанная подле колодцев земля с пятнышками белеющего под луной мха. Молчаливые украинские сады ломились от яблок и груш. Совсем близко с тяжелым кряхтением осела на низкий плетень ветвь яблони. Фиса приостановилась, протянула руку в темноту и вынула из нее два тронутых прохладной росой яблока. Яблоко покрупнее она отдала Арсению и, когда он взял его, со смехом крикнула:

— Бери да помни!

Это у нее игра такая, тоже детская, тоже наивная. Арсений уже давно забыл о той игре и вообще о многом забыл в окопах, а она вот помнила. Чудная девка, непонятная, суме-

ла сохранить все-все: чистоту, способность радоваться, без оглядки воспринимать мир и все в этом мире. О таких вот говорят: душа нараспашку. После боев и смертей, после госпиталей и пересылок всегда тянет к светлому, радостному, и Арсения тянуло к этой девушке, так тянуло, что он уже с трудом сдерживался, чтобы не наговорить ей всякой нежной всячины, чтобы не зацеловать ее, не затискать.

Арсений взял согревшееся в ладони яблоко, отвернулся от Фисы и стал глазеть на небо. Ничего там особенного не было. Неполная луна зацепилась рогом за крайние сады на бугре, и как будто сомлела от густых запахов и тишины, и задремала, забыв про службу. Подле нее тоже дремно помигивали обесцвеченные и оттого мелкие звезды.

Мирная ночь стояла над украинским местечком. Все как на картинах, все как в книжках, все как у Гоголя. Словно не было никакой войны, и стояла вечно здесь вот эта тишина, и ничего не горело, не полыхало, не рушилось от снарядов и бомб, и люди не обмирали от страха, а спали себе под соломенными крышами на лежанках за печкой, и никто их не тревожил, кроме блох.

«И всего-то нужно людям малую малость – мир, – подумал Арсений, – и все приходит в норму, и мать-земля окружает нас покоем. Дорогим, долгожданным покоем! А книжки сама разбазарила, сама пусть и расхлебывает. Так-то».

Он сердился, но как-то несерьезно сердился. Он ведь знал, что вслед за девчонками вот-вот отправят по домам

и их, нестроевиков, и, конечно же, спишут эту походную, очень маленькую библиотеку. Списывают кое-что и поценней. А стоило бы накрутить хвост этой самой Фисе, чтоб поумней в другой раз была. Да разве ей поможет? Это ж ангелица! Глянет разок – и уже все, сердиться невозможно.

«Что-то уж очень много стал я думать о ней», – поймал себя Арсений, а не думать уже не мог, и, откровенно говоря, ему уже не хотелось, чтобы она вот так взяла и уехала. Как-то уж очень просто и прочно они встретились. Бродили, бродили по свету, колесили по земле, и вот круг замкнулся, и искать вроде бы уж больше ничего не надо.

Ребята, прибывшие вместе с Арсением из госпиталей на смену девушкам, наверстывали утерянное, «крутили любовь» направо и налево. Девушек в местечке, военных и гражданских, было много, лишковато даже.

Арсений же разом успокоился. Девушка с удивительными тихими глазами была рядом, разговаривала без всякого смущения о чем угодно, мурлыкала песню, невзирая на растрату, и вообще вела себя так, будто они давно-давно вместе, и все у них как надо, и в запасе еще целая вечность, и никуда они друг от друга не денутся.

А между тем день отъезда Фисы приближался. Арсению было за двадцать, уже подкатывало к двадцати одному. Близость девушки волновала его все больше, и так тянуло обнять ее, так тянуло, но он стыдливо увиливал. За этим могло последовать такое, о чем и думать-то было до сладости жутко...

Будь бы Фиса другой, пожалуй, и все сложилось бы по-другому. А с такой как быть? Сделай чего не так – оскорбишь, стыда не оберешься, – дитятя и дитятя. Ангелица, одним словом. «Нет уж, ну ее подальше, если чему быть, пусть уж как-нибудь само собою сделается», – урезонивал себя Арсений.

Фиса дохрумкала яблоко, по-мальчишески пнула огрызок, утерла губы, одновременно прикрывая зевок, и спросила:

– Сорвать еще? Тут их гибель! Ты чего хмурый, Арся?

– Ничего, – напряженно ответил Арсений, отводя взгляд от груди девушки, оттопырившей гимнастерку, на которой поблескивала медаль.

– Ой, Арся, а мне ведь скоро уезжать, – печально сказала Фиса, – девочки из штаба говорили – документы уже заготовлены.

– Тебе что, не хочется?

– Я не знаю.

– А кто знает?

– Пушкин, наверно, – с беззаботным смехом ответила она, уже справившись с накатившей было на нее грустью.

– Послушай, – сказал Арсений. И когда Фиса внимательно уставилась на него, он схватил ее, прижал к себе, впился губами в ее губы.

Она слабо уперлась руками в его грудь и медленно, чтобы не обидеть, отстранилась.

– Ты, поди, прокусил мне губу? Ты все делаешь сердито, даже целуешь сердито...

– Как умею. (Какой же мужчина признается в том, что он не умеет целоваться!)

– Да, конечно, – вздохнула она. – Вы – фронтовики, люди нервные, вы много пережили. Я на тебя не сержусь...

– Не сердись, да? – обнял ее Арсений, и она согласно потряхнула головой на его груди.

Он целовал ее теперь нежно, бережно и чувствовал, как она слабеет и все тяжелее обвисает на его руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.